Книги Йоава Блума,
опубликованные
Издательством АЗБУКА

Творцы совпадений

**Руководство к действию
на ближайшие дни**

Я всегда остаюсь собой

Чьи это мысли в моей голове?

Мгновение ока

Йоав Блум

ЧЬИ ЭТО МЫСЛИ В МОЕЙ ГОЛОВЕ?

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.411.16
ББК 84(5Изр)-44
Б 70

Yoav Blum
WHAT OTHERS THINK IN ME
Copyright © 2021 by Yoav Blum
All rights reserved

Перевод с иврита Екатерины Карасевой

Серийное оформление и оформление обложки
Владимира Гусакова

Ранее роман издавался под названием
«Что другие думают во мне»

Блум Й.

Б 70 Чьи это мысли в моей голове? : роман / Йоав Блум ; пер. с ивр. Е. Карасевой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 352 с. — (Настроение читать).

ISBN 978-5-389-34477-8

Йоав Блум, автор бестселлера «Творцы совпадений», — один из самых оригинальных писателей современности. В основе каждой его книги лежит необыкновенная идея, новый взгляд на мир и на возможности человеческого сознания. Герой романа «Чьи это мысли в моей голове?» еще в детстве обнаружил, что отличается от остальных: он способен слышать размышления людей и переживать их эмоции. Став старше, захлестываемый волнами чужих ощущений, он вынужден отгородиться от внешнего мира и жить отшельником. Однако иллюзия защищенности разваливается на части, когда однажды на пороге его дома появляется бывшая возлюбленная, угрожая ему пистолетом. Отныне ответ на вопрос «Чьи это мысли звучат в моей голове?» способен спасти герою жизнь — или привести к неминуемой гибели...

УДК 821.411.16
ББК 84(5Изр)-44

© Е. Н. Карасева, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-34477-8

Все то, что лежит позади нас и что лежит перед нами, — мелочи по сравнению с тем, что лежит внутри нас.

Генри Стэнли Хаскинс

Что человек позна́ет, прежде чем уйдет?
Не солнце, не луну,
И даже звезды скроются во мраке.
Троил, послушай, если ты удачлив,
То перед наступленьем темноты
Познаешь самого себя.

Уильям Шекспир. Эдуард V

1

Я не знал, что кто-то стоит за дверью. И это был первый намек. Я не услышал, как кто-то подходит к двери, и среагировал только на резкий стук. Тишина, застывшая в воздухе, а также тот факт, что я ничего не услышал, ничего не почувствовал, навели меня на мысль, что это наверняка она, наверняка Даниэла. И это действительно была она. Спустя все эти годы она казалась так сильно похожа и не похожа на себя, что я невольно вытеснил свои наблюдения на эту тему на обочину разума до того, как успел их осмыслить.

Не совру, если скажу, что не прошло и десяти минут с того момента, как я открыл ей дверь, и до того момента, как она с улыбкой направила на меня пистолет. В этом было что-то почти нормальное, почти естественное. Было сказано все, что нужно, и мы перешли к этому необходимому этапу — огнестрельное оружие в руке той, что была когда-то самым близким мне человеком. Много лет назад или, может быть, за мгновение до того, как она вытащила пистолет. Пожалуй, оба варианта верны.

Никто никогда не появлялся у меня на пороге, я никого к себе не приглашал. Такова часть моих не-

гласных договоренностей с миром — чтобы ко мне никто не ходил. Когда кто-то из немногочисленных знакомых хотел поговорить со мной, он звонил, посылал мейл или короткую эсэмэску. В эту дверь стучали впервые, и большой вопрос, кто больше удивился — дверь или я.

Я встал с дивана, подошел к двери и раскрыл ее настежь с любопытством и опаской. Там стояла она, наклонив голову в знакомой манере, ее зеленые глаза мерцали на свету, пробивавшемся из-за моей спины, руки в карманах коричневого бомбера. Ее волосы — цвета «грязный блонд», а не «наивный рыжий», как в нашей юности, — лежали на плечах. Взгляд легко блуждал с моего удивленного лица на мой дом и обратно.

— Балаган, — сказала Даниэла, — ну что за балаган. Нетрудно было бы догадаться, что ты обустроишь свой дом так эклектично. Никакого единообразия. Как будто тут восемь разных людей живут.

— И тебе привет, — отозвался я. — Как ты меня нашла?

Она едва заметно улыбнулась. Конечно, так она и расскажет.

— Может, все-таки пригласишь меня внутрь?

Я жестом пригласил ее войти. Во мне разразился настоящий шторм, бурлящие волны сотен вопросов обрушивались на побережье моих мыслей, словно цунами. Но мой внутренний актер не подал виду и решил играть свою роль. В конце концов, ему давненько не доводилось участвовать в таких спектаклях.

Она вошла и огляделась.

— Кухня, видимо, там, — она указала рукой, полуспрашивая, полуутверждая, — здесь гостиная, а пространство между ними — это... что?

— Все остальное, — ответил я. — Одно из преимуществ жизни отшельника — можно делать что хочешь, и никто не будет задавать вопросов.

— Типа меня?

— Например, да.

— Но я не абы кто, — сказала она, глядя мне прямо в глаза, — у нас общее прошлое, между нами есть связь. Мы умеем говорить на одном языке.

Я сел на диван:

— Так чем обязан?

Она села рядом, стараясь не смотреть на меня. Вместо этого она принялась рассматривать маленькие картинки на стене напротив и заправила волосы за ухо тем самым легким движением, которое было мне хорошо знакомо. Потом она поправила воротник бомбера и сделала глубокий вдох.

— Мне нужно, чтоб ты исчез, — сказала она. — Надо, чтоб ты вышел из игры.

Затем повернулась ко мне, едва улыбнувшись.

— Какой игры? — спросил я.

— Жизненной, — ответила она.

— Я не понимаю, — сказал я и кивнул, — о чем ты говоришь? Зачем ты пришла?

Она прикрыла глаза и задумалась.

— Ладно, хватит болтать. Ведь нужно закончить все это поскорее. Так вот, — сказала она, и вдруг в ее руке оказался пистолет. — Сидишь себе дома, никого не трогаешь, и вдруг появляюсь... эмм... я. Я и этот малыш. Теперь мы с ним решаем, что тебе... эмм... нужно делать.

— Ты серьезно? — спросил я.

Свободной рукой она порылась в кармане куртки, вытащила что-то и бросила мне. Черная повязка.

— Возьми. Завяжи глаза. Но сначала посмотри хорошенько вокруг, потому что больше ты не увидишь этот дом. Не возвращайся сюда, что бы ни случилось.

Кажется, дело плохо. Я надел повязку на глаза. Надо что-то предпринять, разговорить ее.

— Даниэла, что тебе нужно от меня? — спросил я.

— Что мне нужно? Скоро узнаешь. Почувствуешь, так сказать, на собственной шкуре. Эмм... пожалуйста, заткнись, у нас мало времени. Понял?

Я почувствовал, как она берет меня за локоть и ведет наружу. Все происходило слишком быстро. Я пытался вспомнить, что я взял, а что оставил. Телефон лежал на рабочем столе, в кармане пальто были паспорт и кошелек, но оно висело на вешалке за дверью, а с собой у меня только несколько монет в кармане брюк и, может, клочок бумаги, какой-то старый чек. Все, что было мной в этом доме — пластинки, наброски, мой блокнот, компьютер, — все это вот-вот останется позади.

— Подожди, — выпалил я, — мне нужен мой блокнот. Пожалуйста, хотя бы блокнот! В ящике письменного стола, в центре комнаты, вон там. — Я указал в направлении, где, по моим предположениям, был стол.

Прошло несколько секунд, прежде чем она ответила.

— Даже не пытайся шевелиться, — предупредила она, — ты все еще у меня под прицелом.

— Я не сомневаюсь. Не беспокойся.

— Такая синяя потрепанная книжечка?

— Ага.

Я слышал, как она листает блокнот, и мне захотелось закричать. Нет, нет, нет, это мое, это я, не смотри туда! Я замер, сжав кулаки. Потом почувствовал ее дыхание на своем ухе и услышал шепот:

— Не нужен он тебе, балда. Я тебе уже говорила.

Она снова взяла меня за локоть, и мы пошли к выходу.

— Даниэла, Даниэла, — бормотал я, — пожалуйста, хотя бы это, хотя бы блокнот, пожалуйста.

— Он тебе не нужен, — повторила она.

Страшно все еще не было. Я не думал, что мне грозит опасность. Повторюсь, все происходило слишком быстро и к тому же выглядело логичным и естественным. Будто разговор, который прекратился десять—пятнадцать лет назад, продолжился сейчас ровно с того места, где мы остановились. Почему-то мне казалось закономерным, практически ожидаемым, что меня выдергивают из собственного дома с повязкой на глазах, молча ведут по тропинке и заталкивают, по всей видимости, на заднее сиденье машины.

Я не задавал вопросов, не пытался сбежать. Я просто сидел и силился понять, что происходит, думал, куда она меня везет, ждал, что она скажет. Ждал следующей фразы, которая бы мне все объяснила, дала разгадку. Так сидел я, не шевелясь, и покорно трясся вместе с машиной на ухабах лесной дороги. Когда мы выехали на шоссе, тряска прекратилась и воцарилось мерное жужжание.

— Куда мы едем? — спросил я наконец.

Она не ответила.

— Даниэла, скажи хоть что-нибудь.

— Ты можешь заткнуться? — сказала она раздраженно. — Я бы очень хотела, чтоб ты сейчас просто заткнулся. Ясно?

— Ясно, — ответил я.

— На́ вот, музыку послушай, — процедила она.

Спустя секунду или две машина наполнилась звуками. Я сразу узнал концерт для скрипки ми-минор Мендельсона и немного расслабился. Мы ехали молча. Музыка давно доиграла, когда мы наконец остановились. Дверца раскрылась, и Даниэла резко, почти жестоко выдернула меня наружу. Вот мы и вернулись в реальность или, возможно, в пьесу — что бы это ни было.

Было холодно, я начал чувствовать знакомое покалывание, шепот, который то появлялся, то стихал. И страх. Отрывочные мысли появлялись во мне и исчезали, ведь мы уже были не одни. Даниэла вела меня быстро, на моих глазах все еще была повязка. Пронизывающий до костей холод и случайные мысли заставляли меня дрожать. Наконец мы остановились.

— Где мы? — спросил я.

Она помолчала несколько секунд, а затем я услышал мягкий звонок. Лифт. Дверь открылась, и мы вошли.

— Мне жаль, — сказала она.

Я почувствовал, что мы поехали вверх.

— Что ты делаешь? — спросил я. — Куда ты меня ведешь? Что происходит?

Она молчала.

— Ты не можешь бросить меня тут! Почему ты это делаешь?!

— Успокойся, пожалуйста, доверься мне. Как себя чувствуешь? — спросила она тихо. — Ты правда готов, ты ведь готов мне поверить сейчас? Все будет... эмм... о'кей. Это скоро закончится. Тогда все и поймешь. Эмм... пожалуйста, попытайся успокоиться. Ты способен хотя бы попытаться?

— Что это значит? — вырвалось у меня.

О чем она говорит? ...Мысли об одежде, потенциальных партнерах, раздумья о том, какой напиток выбрать, сожаление, наслаждение красивым видом, боязнь говорить на публику, сильное желание выслужиться перед начальством, воображаемые картины отпуска за границей. Альпы, Индия, Непал, мерцающие экраны мониторов, глубокое отвращение, большая симпатия, смутное опасение сказать что-нибудь не то...

Меня вырубает. Она вырубает меня.

— Нет, — тихо произнес я, зная, что она тоже слышит все это, — пожалуйста, нет. Умоляю. Я не смогу.

— Ведь я знаю, что ты сильный. Эмм... пожалуйста, поверь, ты справишься. Это ведь нужно нам обоим. Ты ведь сможешь? Прямо сейчас.

Я резко вдохнул.

— Вперед, — сказала она.

По голосу я понял, что ей тоже тяжело. Дверь лифта открылась, Даниэла сорвала с моих глаз повязку и толкнула рукой в спину. Ей хотелось исчезнуть отсюда не меньше, чем мне. Я шагнул вперед, будто в туман, в густое облако. Плоская шутка, легкий привкус коктейля на языке, желание уйти, сесть,

выдавить из себя смех, тайком улыбнуться. Я был на крыше высокого здания в центре города. Несколько десятков людей, маленькие столы, большие столы, стойки с закусками, бар в огоньках, музыка, басы долбят. Вечеринка. Вечеринка на крыше. То ли корпоратив, то ли вечер знакомств. Не важно.

Я молча стоял. Слышал, как дверь лифта закрылась за мной. Я остался один среди всех этих людей, и за секунду до того, как я окончательно выруби́лся, в моей голове промелькнула мысль, что лучше бы она отвезла меня на какое-нибудь поле и пристрелила. Может, я подумал еще что-то; может, нет — меня захлестнула вечеринка, я утонул в ней и в панике пошел ко дну.

2

Обо мне можно с уверенностью сказать только одно: я читаю мысли.

Все прочие мои качества и характеристики можно так или иначе подвергнуть сомнению.

Способность читать мысли не появляется из ниоткуда. Она развивается на протяжении долгих лет. Все начинается с проблесков ощущений, ты даже не осознаешь, что эти ощущения чужие, а не твои. Затем появляются туманные образы и смутные чувства, которые обостряются, усиливаются с течением времени, год за годом. Наконец приходит то, что ты за неимением лучшего определения называешь «мыслями» других.

Это совсем не то, что вы думаете. Это не то, чего вы хотели бы для себя.

Путаница происходит оттого, что все, включая меня, ошибочно называют этот процесс «чтением» вместо более точного определения «слышание мыслей» или «улавливание мыслей».

Чтение — это действие, которое ты можешь совершать, а можешь не совершать. При чтении ты способен понять, что то, что в тебе звучит, — это не очередная твоя мысль, а слова, порожденные другим мозгом и вложенные в твою голову посредст-

вом органа зрения. Часть тебя при этом как бы смотрит со стороны и может определить: вот моя мысль, а вот мысль, которую я прочитал. Моя мысль — прочитанная мысль. Нет. В моем случае это работает не так.

Я не могу управлять степенью своего погружения в чужие мысли, не могу решать, чьи мысли и когда я буду слышать. Если вы находитесь достаточно близко ко мне, я вас услышу. Необходимое для этого расстояние зависит от многих факторов: от того, кто слушает, кто думает, насколько оба взволнованы, устали или бодры, может, даже от влажности воздуха. При этом не важно, имеются ли стены или другие преграды. Мне доводилось слышать шепот мыслей с расстояния нескольких сотен метров, чувствовать боль и страх, сомнения и планы людей, которые находились за бетонной стеной, но бывало и так, что человек стоял всего лишь в пятидесяти метрах позади, а я чувствовал лишь глубокое неприятное сомнение. Я не могу помешать мыслям войти в меня, как не могу не слышать, как кто-то орет в мегафон у меня за спиной, или не чувствовать запах духов женщины, проходящей мимо. Если я не нахожусь в полном, абсолютном одиночестве, то постоянно слышу чьи-нибудь мысли. И когда я их слышу, у меня не возникает ощущения, что они чужие.

Знаю, знаю, в фильмах, когда кто-то «слышит мысли», он слышит их голосом того, кому они принадлежат. Как удобно. Но назовите хоть одну причину, по которой так должно быть в реальности. С чего бы чужим мыслям в моей голове звучать именно тем голосом, который порождают голосовые связки думающего? Тем более что я его никогда не слы-

шал. Когда вы стоите рядом со мной, я слышу ваши мысли, но не ваш голос. Я переживаю внутри себя еще один набор мыслей, которые ощущаются как мои собственные, которые «звучат» точно как мои. Какой-то внутренний механизм обрабатывает услышанные обрывки, перестраивает их и озвучивает моим внутренним голосом. Другими словами, я никогда не знаю, думаю я свою мысль или чужую. Внутренний голос всегда один и тот же. Мысли — это неструктурированный, организованный и ясно артикулированный поток слов. По большей части это месиво из обрывков предложений и образов, которые приходят из воспоминаний или воображения, а внутри — измельченные в пыль зернышки безымянных чувств, подсознательных убеждений, основополагающих принципов. В чайной ложке мыслей можно найти все грани личности. Может, это месиво и выстраивается в предложения после того, как я его услышал, но это целиком и полностью заслуга моего внутреннего механизма, переводящего внутренний трепет в слова «я боюсь». Мне не всегда удается трансформировать то, что я уловил, в «предложение». Порой выходит грубо, сыро, бессвязно и лишь задевает басовые струны души.

Иногда это выражается в мелочах. Например, я сижу дома и вдруг захотел пиццу. И сразу приходят сомнения — действительно ли мне хочется пиццы или это сосед вдруг проголодался. Или, прогуливаясь в одиночестве по тропинкам какого-нибудь заповедника на севере[1], наслаждаясь цветущими растениями и журчащими ручейками, я чувствую

[1] Имеется в виду север Израиля.

приступ парализующего ужаса, потому что впереди кто-то чуть не оступился на краю обрыва. Приходится каждый раз оглядываться, когда у меня появляется новая идея, чтобы удостовериться, что я один и эта идея на самом деле моя.

То, что другие думают во мне, — это не я. Понять, какие мысли рождаются внутри меня, — та еще задачка. Я несколько раз пытался посмотреть фильм в кинотеатре вместе с другими людьми. Утренний сеанс не самого популярного фильма, не более десятка зрителей. И я с трудом справлялся с нагрузкой. Не только из-за тех, кого фильм волнует, злит или держит в напряжении. Это еще ладно. Гораздо хуже те, чьи мысли блуждают, кто теряет нить повествования, думает, в какой момент лучше дотронуться до той, что сидит рядом, кто хочет в туалет, проверяет почту в телефоне или просто размечтался. Все это происходит во мне, и я тону.

Я не придумал ничего лучше, чем построить дом вдали от всех. Дом с огромным садом, скрытый от остальных людей, на приличном расстоянии от дороги, проходящей внизу, и по меньшей мере в двух километрах от ближайшего крупного шоссе. Но все равно иногда я смотрю в окно на сад и сомневаюсь: действительно ли мое желание прилечь отдохнуть вызвано усталостью, или это дальнобойщик после ночной смены проехал сейчас по дороге и свернул вниз, к подножию холма?

Вот так и забиваешься в свою нору, общаясь с внешним миром посредством телефона и экрана. В интернете никто не знает, что ты читаешь мысли (да и расскажешь — не поверят). В нем ты можешь быть настоящим, знать, что твое, а что — нет, суще-

ствовать, не сгибаясь под гнетом мыслей. Знать, что ты — это ты, а они — это они.

Видимо, поэтому Даниэлу и отправили «заняться» мной. Ее намерений я не услышу, потому что она такая же, как я. Когда я познакомился с ней, то обнаружил, что те, кто читает мысли, не могут читать друг друга. Видимо, замкнутый цикл отменяет сам себя. Поэтому я узнал о ее появлении, только когда она подошла к двери и постучала. Никто другой не смог бы так бесшумно приблизиться. Она такая же, как я, и знает меня, может, лучше, чем я сам, — во всяком случае, у нее по поводу меня меньше сомнений и вопросов.

Признаюсь, у слышания мыслей есть свои преимущества. Любой дурак может стать лучшим следователем в мире, если все, что от него требуется, — это сидеть в комнате допросов напротив подозреваемого, который никак не хочет раскалываться, задавать ему вопросы и слушать, что за информация возникает из ниоткуда в его голове. Что ты с ним сделал? Куда ты выбросил пистолет? Как поступил с трупом? Воспоминания, имена, места, всепоглощающий гнев и парализующий страх появляются сами собой вслед за вопросом. Вы можете сколько угодно трясти головой и повторять: «Не понимаю, о чем вы говорите». Я все равно выйду из комнаты допросов, глубоко вдохну, напомню себе, что все эти сведения и образы на самом деле не мои, позвоню своему шефу и скажу: «Есть канализационный колодец в двух кварталах от арены, за стволом дерева. Ищите там». Генерал-майор смотрит на нас с подозреваемым из офиса и иногда передает мне

команды в наушник. «Сосредоточься на местоположении тела», «Спроси, как они деактивировали музейную сигнализацию», «Имена, дружище, мне нужны имена». Так что я — лучший следователь в мире. Если можно так сказать.

Иногда мои обязанности не ограничиваются исключительно допросами, и мне приходится погружаться в хаотичный мир «полевой работы». Банда грабителей пытается ограбить банк. Что-то идет не так, и вот у нас уже пять вооруженных преступников, десятки заложников с круглыми от страха глазами и список требований в чьих-то трясущихся от злости руках. Видимо, в этот момент мне и позвонят.

Здания вокруг банка будут зачищены, только несколько бригад «скорой помощи» останутся дежурить на окрестных улицах. Я приеду и расположусь снаружи здания в том месте, где я буду ближе всего к главарю банды, в бронежилете и с оружием, с пульсом под сто двадцать. Главарь сидит где-то там внутри, его нога дергается от напряжения. Зазвонит телефон, полиция поведет беседу, а я буду «подслушивать» и попытаюсь — среди страха и ужасных картин в головах заложников, среди мыслей полицейского, припарковавшегося слишком близко, — уловить намерения главаря, когда они проклюнутся на поверхность под действием банальных вопросов полиции. Расположение крайне важно. Если я буду сидеть слишком близко к заложникам, то меня парализует их страх, если слишком далеко от бандитов — их мысли затеряются в постороннем шуме.

«Что вы собираетесь сделать с заложниками?»

Образ казни человека в костюме — плохо; мысль о том, сколько осталось бутылок воды в вендинговом аппарате в углу, и попытка подсчитать, сколько их нужно, чтобы напоить всех заложников, — хорошо.

«Я смогу пригнать вам вертолет только через восемь часов, давайте обсудим другие варианты...»

Мысль о том, сколько полицейских снаружи и сколько оружия внутри, — плохо; накатывающее отчаянье и воспоминания о предыдущем тюремном сроке — лучше; проблеск мысли о заранее прорытом подземном ходе под банком — ого, интересно.

Иногда, когда я уже выполнил свою задачу и полицейские, которые вот-вот ворвутся на объект, уже точно знают, что собираются делать те, кто внутри, где они стоят, что их беспокоит, что, по их предположению, происходит снаружи, сколько у них оружия, боеприпасов и воды, — так вот, иногда мне приходится задержаться и столкнуться с людьми. «Это тот самый, который мысли читает, надо же, а выглядит как обычный человек, интересно, слышит ли он меня сейчас». Кто-то подходит ко мне, чтобы пожать руку, и губы его выговаривают слова благодарности, в то время как меня охватывает любопытство, я ощущаю легкое покалывание от вопросов и сомнений, накатывающие волны скепсиса и восхищения, которые смешиваются с моим безразличием насчет спасения людей, чей ужас я чувствовал час назад. Потом наступает облегчение, исходящее от заложников, и чувства, которые захлестывают их, передаются и мне — ради этого я остаюсь, не тороплюсь домой: радость, желание воссоединиться с семьей, с друзьями, решение про-

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ЙОАВ БЛУМ
ЧЬИ ЭТО МЫСЛИ В МОЕЙ ГОЛОВЕ?

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Валерий Камендо, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 02.11.2026.
Формат издания 76 × 100 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 15,51. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербор қ.,
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
https://certification.atticus-group.ru/

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NAM-43897-01-R